

На правах рукописи

РОЖНЕВА
Жанна Анатольевна

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-1930-Е ГГ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Томск – 2003

Работа выполнена на кафедре истории и документоведения
Томского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Ларьков Николай Семенович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Дмитриенко Надежда Михайловна

кандидат исторических наук, доцент
Подустов Федор Николаевич

Ведущая организация: Институт истории
Сибирского отделения РАН

Защита состоится «26» декабря 2003 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история и 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования при Томском государственном университете (634050, г. Томск, ул. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «25» ноября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, доктор исторических наук,
профессор

О.А.Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Репрессивная политика советского государства оказалась в последнее десятилетие в центре общественного внимания. Произошедшие в стране на рубеже 1980-1990-х годов преобразования привели к ликвидации советской власти и началу глубокой трансформации общественного строя. В этих условиях вполне закономерен интерес к тем событиям и явлениям советской истории, которые ранее в силу господствовавших идеологических установок либо замалчивались, либо изучались только с определенной точки зрения. Реабилитация жертв политических репрессий, открытие многих засекреченных ранее архивных материалов, отказ от коммунистической идеологии положили начало всестороннему и более глубокому осмыслению государственных репрессий, как одного из системообразующих факторов советского политического строя.

Комплексное исследование репрессивной политики советского государства предполагает обращение к различным формам ее реализации, в том числе и к осуществлению посредством судебных органов. В 1920-е и особенно в 1930-е годы политические судебные процессы, проводившиеся как в центре, так и на местах, являлись частью повседневной жизни советского общества. Под политическим понимается такой судебный процесс, на котором подсудимый в силу антигосударственного характера совершенного или приписанного ему преступления выступает в качестве противника существующего политического режима. Применительно к советской действительности рассматриваемого периода формальным признаком подобных процессов служило привлечение к уголовной ответственности по статьям, карающим за так называемые контрреволюционные преступления. Использование судебной процедуры не столько в целях защиты от противоправных действий политического характера, сколько для прямого подавления, позволяет говорить о таком явлении как судебные репрессии, которые были составной частью репрессивной политики.

В условиях реформирования судебной системы современной России выявление глубины трансформации института суда в период существования тоталитарной (авторитарной) государственности имеет особое значение. Без этого трудно объяснить причины проблем, возникающих на пути обновления судебной системы нашего государства, а также сохраняющегося до сих пор деформированного восприятия суда общественным сознанием, как преимущественно карательного органа и придатка властной системы.

Степень изученности темы. В отечественной историографии судебных репрессий в отношении политических (контрреволюционных) преступлений можно выделить два основных периода – советский (1920-1980-е гг.) и постсоветский (с начала 1990-х гг.), которые существенно различаются прежде всего концептуальными подходами. В то же время для всей рассматриваемой историографии характерно тесное переплетение собственно исторической и юридической проблематики, что обусловлено спецификой темы и выражается в обращении к ней как историков, так и правоведов.

Господствовавшие в советский период идеологические установки заметно

сужали исследовательское поле, ограничивая выбор объектов и методологии исследований. В советской литературе практически до конца 1980-х годов политические судебные репрессии оценивались с позиций классового подхода и рассматривались преимущественно в контексте классовой борьбы.

Первые попытки осмысления репрессивной политики в отношении контрреволюционных преступлений были сделаны в 1920-1930-е гг. непосредственно в ходе ее реализации. Большинство работ, выходявших в то время, было написано не историками, а правоведами, руководителями органов юстиции разного уровня, партийными работниками. В них нашла отражение текущая судебно-следственная практика по политическим делам, приводились различные статистические данные, давалась оценка деятельности конкретных судебно-следственных органов с точки зрения их соответствия наиболее актуальным на тот или иной момент направлениям карательной политики¹. Большинство подобных работ носило агитационно-пропагандистский характер и было направлено на мобилизацию усилий судебно-следственных органов в момент активизации репрессий. Среди них можно найти лишь незначительное количество публикаций, в которых делались попытки провести сравнительный анализ и выделить характерные черты контрреволюционной преступности в тот или иной период².

Тема политических судебных процессов затрагивалась также в работах, посвященных теоретическим аспектам формирования советской правоохранительной системы и соответствующего законодательства³.

В целом публикации 1920-1930-х гг. содержат определенный фактический материал и позволяют проследить изменения в официальной оценке политических судебных репрессий, однако невысокий уровень обобщений и идеологическая предопределенность выводов значительно снижают их историографическую ценность.

В 1940-е – первой половине 1950-х годов публикаций, посвященных судебным репрессиям 1920-1930-х годов, практически не появлялось, что во многом было связано с теми жесткими идеологическими рамками, которые обозначил опубликованный в конце 1930-х годов «Краткий курс истории ВКП (б)», а так-

¹ Родин Д. Революционные трибуналы в 1920-1922 гг. // Вестник статистики. 1923. Кн. XIII. № 1-3; Роднянский А. Карательная политика губернских судов по контрреволюционным преступлениям в 1926 г. // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 33. С. 1009-1011; Брагинский М. Посевная кампания и органы юстиции // Советская юстиция. 1930. № 3. С. 1-4 и др.

² Лаговьер Н. Контрреволюционная агитация и пропаганда // Классовая борьба и преступность. М., 1930. С. 102-123; Нахимсон Ф., Загорье Б. Классовая борьба в деревне и террористические акты // Советская юстиция. 1932. № 3. С. 22-25 и др.

³ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судопроизводства). М., 1923; Он же. Формы классовой борьбы на данном этапе. М., 1933; Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927; Он же. Судостроительство в СССР. М., 1936; Пионтковский А.А. Контрреволюционные преступления в УК РСФСР // Советское право. 1924. № 2(8). С. 7-40; Советская уголовная репрессия. М., 1934; Герцензон А.А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 29-33 и др.

же с влиянием Великой Отечественной войны.

Заметные изменения в оценке предшествующей советской истории произошли только после смерти И.В. Сталина и разоблачения «культы личности». На основе установок, заложенных в знаменитом докладе Н.С. Хрущева, сделанном на XX съезде КПСС в 1956 г., в советской историографии начался частичный пересмотр утвердившихся ранее оценок репрессивной практики государства. Главной чертой нового подхода была критика «грубых извращений» и «ошибок» в деятельности И.В. Сталина и его ближайших сподвижников. При этом политика партии в целом признавалась правильной, и осуждение репрессий не распространялось на 1920-е гг. и период коллективизации.

Во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. в советской исторической и юридической литературе проблема судебных репрессий по политическим обвинениям по-прежнему не являлась самостоятельной областью исследований. Однако отдельные аспекты этой темы затрагивались в публикациях, посвященных истории правоохранительных органов, уголовного законодательства, классовой борьбы.

Можно выделить ряд появившихся в эти годы крупных исследований, в которых подробно рассматривалось становление и развитие советской правоохранительной системы¹. Наибольший интерес вызывает фундаментальный труд М.В. Кожевникова, в котором анализируется законодательство, определявшее основные принципы советского судопроизводства, прослеживаются все многочисленные реорганизации советских судов высшего и низового уровней, характеризуются направления их деятельности, в том числе применительно к политическим преступлениям. Хотя в этой и других подобных работах отсутствует конкретно-исторический материал о политических судебных процессах, они тем не менее дают достаточно полное представление о формальной структуре и функциях судебно-следственных органов, особенностях уголовного и процессуального законодательства в отношении контрреволюционных преступлений.

Обширный эмпирический материал и его анализ содержатся в исследованиях, рассматривавших непосредственную деятельность различных правоохранительных органов в 1920-1930-е гг., а также события и явления этого периода, связанные с «классовой борьбой» и репрессивной активностью государства. Среди их авторов следует выделить Д.Л. Голинкова, Н.А. Ивницкого, Ю.С. Кукушкина, В.М. Курицына, В.А. Сидорова, И.Я. Трифонова и др.²

На материалах Сибири в целом и Западной Сибири в частности, подобная

¹ Сорок лет советского права. Т. 1-2. Л., 1957; Кожевников М.В. История советского суда 1917-1956. М., 1957; Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958; Добровольская Т.Н. Верховный суд СССР. М., 1964; Кизилев И.И. НКВД РСФСР (1917-1930). М., 1969; Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970; История советских органов государственной безопасности. М., 1977 и др.

² Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921-1927). М., 1960; Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921-1932 гг.). М., 1968; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932). М., 1972; Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1978 и др.

проблематика разрабатывалась такими исследователями, как Л.И. Боженко, Н.Я. Гущин, В.А. Ильиных, Ю.В. Куперт, Н.М. Кучемко, В.Я. Осокина, И.Д. Эйнгорн и др.¹. В их работах нашли отражение основные направления государственной репрессивной политики, в осуществлении которых участвовали судебные органы: подавление крестьянского повстанческого движения в начале 1920-х гг., кампания по изъятию церковных ценностей, преследование «кулаков» за контрреволюционные преступления в ходе чрезвычайных хлебозаготовительных кампаний и в период коллективизации; приводились количественные данные по отдельным видам контрреволюционных преступлений; описывались отдельные показательные суды по политическим делам. Однако механизм и порядок действий судебно-следственных органов при осуществлении политических преследований в них детально не раскрывается.

Публикации о «классовой борьбе» и «революционной законности» 1950-1980-х гг. наполнены идеологически обусловленными оценками и выводами. Тем не менее они составляют важную часть историографии, поскольку содержат большое количество фактического материала и реконструируют отдельные эпизоды, связанные с реализацией репрессивной политики советского государства.

Последний этап советской историографии связан с началом демократических преобразований в СССР во второй половине 1980-х гг., получивших название «перестройки». По остроте критики и глубине осмысления феномена сталинизма публиковавшиеся в это время работы значительно превосходили литературу периода «оттепели», однако в концептуальном смысле «перестроечная» историография, как правило, не выходила за пределы противопоставления ленинского и сталинского периодов советской истории, рассматривая последний как деформацию «подлинного социализма». Характерной ее особенностью являлась и определенная публицистичность.

Исследовательские усилия на этом этапе были в основном направлены на рассмотрение предпосылок возникновения сталинизма, анализ причин втягивания общества в ситуацию тотального террора, выяснение его масштабов, особенностей репрессивных акций, проводившихся во время коллективизации и в 1937-1938 гг. В работах, посвященных изучению политических репрессий, осуществлявшихся судебными органами, в центре внимания оказались: деятельность Военной коллегии Верховного Суда СССР, военных трибуналов и других судов, рассматривавших дела о контрреволюционных преступлениях; советское законодательство, на основе которого осуществлялись репрессии; политические судебные процессы, имевшие всесоюзную известность, в частности, знаменитые «московские» процессы².

¹ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовой борьбы в Сибирской деревне (1919-1927 гг.). Томск, 1969; Гущин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в Сибирской деревне (1926-1933). Новосибирск, 1972; Ильиных В.А. Классовая борьба в Сибирской деревне в условиях НЭПа (1924-1927 гг.). Новосибирск, 1985 и др.

² Ваксберг А. Процессы // Литературная газета. 1988. 4 мая; Судебный процесс 1931 г. над «Союзным бюро меньшевиков» // Советский библиограф. 1989. № 1; Виктор Б.А. Без гри-

На материале Западной Сибири разрабатывались аналогичные сюжеты, связанные преимущественно с деятельностью карательных органов в период коллективизации и «большого террора»¹. Тема судебных процессов была затронута В. Галкиным и отчасти В. Шакуровой². Явное преобладание публицистических и отсутствие обобщающих работ было связано с тем, что на данном этапе в западносибирской историографии, как и в целом в советской исторической науке, происходила критическая переоценка предшествующего опыта и шло накопление эмпирического материала.

В отечественной историографии постсоветского периода, наряду с развитием наметившихся ещё в конце 1980-х гг. проблем и сюжетов, сформировались новые направления в исследовании репрессивной политики советского государства. С начала 1990-х гг. проблематика политических репрессий активно разрабатывается в качестве самостоятельной темы и в рамках изучения социально-экономического, политического строя советского государства в целом. Для современной историографии характерно разнообразие концептуальных подходов, попытки фундаментального осмысления проблемы репрессий, привлечение широкого круга источников, особенно ранее засекреченных. Следует отметить и возросший интерес к региональным аспектам данной темы.

Большинство современных авторов (О.В. Хлевнюк, И.В. Павлова, А.С. Сенявский и др.) критически оценивают саму коммунистическую идеологию и политический режим, установившийся в СССР, пытаясь в то же время разобраться в причинах и предпосылках его становления, особенностях развития.

Собственно репрессивная политика 1920-1930-х гг. изучается в разных направлениях, среди которых магистральными можно назвать исследование на общероссийском и региональном уровнях нормативно-законодательного обеспечения репрессий, структуры и функционирования правоохранительных органов, причин репрессивных акций и практики их осуществления. Участие судебных органов в политических репрессиях рассматривается, как правило, в рамках этих общих направлений. Наиболее крупные исследования репрессивной политики советского государства предприняты учеными-юристами Ю. Стецовским, В. Кудрявцевым, А. Трусовым³. В совместной работе двух последних авторов впервые в отечественной историографии дается комплексный анализ политической юстиции, как особого института правоохранительной сис-

фа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990; Реабилитация: политические процессы 30-50-х гг. М., 1991 и др.

¹ Хорошилов А. Подпольщики из «Союза январевичей» // Алтайская правда. 1989. 15 янв; Новокшонов В. Крестьянская ссылка в Сибири в 1930-е гг. // Сибирские огни. 1989. № 12; Иванова Н. Приговор вынесен «тройкой» // Красное знамя. 1989. 26 окт.; Чрезвычайщина: Из истории Омского Прииртышья 20-30-х гг. / Сост. Шумилов А. И. Омск, 1990; Якунин Ю. А. Черное и белое: Заметки прокурора: о пересмотре дел репрессированных в Омской области. Омск, 1990; Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1991 и др.

² Галкин В. «Кемеровское дело» // Кузбасс. 1990. 8 апр.; Шакурова В. Дело Фуфрянского // Омская правда. 1989. 15 апр.;

³ Стецовский Ю. История советских репрессий. Т. 1-2. М., 1997; Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

темы, детально рассматривается советское уголовное и процессуальное законодательство в области политических преследований, показана степень деградации судебной власти, которая использовалась в первую очередь для решения карательных задач.

На современном этапе появилось также достаточно большое количество работ, в которых репрессивная политика раскрывается через историю правоохранительных органов, участвовавших в ее реализации. Так, монографии и статьи А.И. Кокурина, В.С. Ломова, Н.В. Петрова, М.Н. Петрова, Л.П. Рассказова посвящены становлению и развитию советских органов государственной безопасности, суда и прокуратуры, их кадровому составу, особенностям деятельности. В них дается анализ нормативно-законодательной базы, показывается взаимоотношение этих органов с партийными структурами¹.

Репрессивная деятельность судебных органов отражена также в работах, посвященных проведению репрессий в регионах и в отношении отдельных групп населения. При этом многие исследователи в первую очередь обращаются к коллективизации и «большому террору», однако значительное внимание уделяется и другим репрессивным акциям, таким как преследование представителей небольшевистских партий, духовенства, буржуазных специалистов и т.п.².

В последнее десятилетие появились и публикации, в которых политические судебные репрессии рассматриваются в качестве основной темы³. Однако в этих исследованиях участие судов в политических репрессиях показывается либо в общем виде, либо на примере отдельных судебных процессов.

В публикациях, посвященных политическим репрессиям на территории Западной Сибири, разрабатывается схожая проблематика. Репрессивные акции 1920-х гг., в том числе судебные процессы по политическим обвинениям, рассматриваются в работах Н.М. Дмитриенко, А.В. Добровольского, Г.Л. Олеха, А.П. Угроватова и др.⁴. Более активно изучаются репрессии конца 1920-х –

¹ Петров М.Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Западной России) Новгород, 1995; Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа, 1994; Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917-1922) // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 104-113 и др.

² Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.). М., 1994; Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1. Репрессии 1920-1930-х гг.; Роговин В.З. 1937. М., 1996; Кривова Н.А. Власть и русская православная церковь в 1922-1925 гг. (Политика ЦК РКП (б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ-ОГПУ). М., 1998; Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999 и др.

³ Кислицын С.А. Шахтинское дело: начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов на Дону, 1993; Сувениров О.Ф. Военная коллегия ВС СССР (1937-1939) // Вопросы истории. 1995. № 4; Жуков Ю.Н. Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 33-51 и др.

⁴ Дмитриенко Н.М. «Дело Томских церковников» 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX-XX вв.). Томск, 1992; Угроватов А.П. НЭП и законность. 1921-1929 гг. Новосибирск, 1997; Олех Г.Л. Кровавые узы. РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999; Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917-1923 гг.). Новосибирск, 2002; и др.

1930-х гг. Полностью или частично им посвящены работы таких авторов, как Л.П. Белковец, В. Гришаев, В.А. Ильиных, С.А. Красильников, И.Н. Кузнецов, И.В. Павлова, С.А. Папков, В.Н. Уйманов и некоторые др.¹.

Среди обобщающих исследований о репрессиях следует выделить работы В.Н. Уйманова и С.А. Папкова. В книге бывшего сотрудника Управления ФСБ по Томской области В.Н. Уйманова на основе анализа большого количества ранее засекреченных документов показано проведение массовых репрессий преимущественно в г. Томске и на территории современной Томской области. В.Н. Уйманов не обошёл своим вниманием и судебные процессы, осветив наиболее крупные из них. Однако при проведении количественного анализа автор не выделил судебные репрессии, равно как и не проанализировал их роль и место в общей политике репрессий.

В монографии и докторской диссертации С.А. Папкова рассматривается репрессивная политика советского государства в Сибири на протяжении 1928-1941 гг. Автор показал место репрессий в проведении чрезвычайных хлебозаготовок, коллективизации, подробно исследовал «большой террор», преследования специалистов, бывших оппозиционеров и представителей отдельных национальностей. Рассматривая в целом репрессивную практику, С.А. Папков уделил определённое внимание и участию в ней судебных органов, показал механизм и формы осуществления судебных репрессий, рассказал о наиболее заметных судебных процессах по политическим делам.

Тема политических судебных репрессий затрагивается и в работах западных историков². В монографии Р. Конквеста «Большой террор» анализируется репрессивная политика советского государства в 1930-е гг., в том числе подоплека организации знаменитых московских процессов. Отдельная глава в этой книге посвящена «Кемеровскому делу». В работах Ш. Фицпатрик и Р. Маннинг на примере отдельных областей рассматриваются показательные суды над районным руководством, состоявшиеся осенью 1937 г. Авторы попытались выявить причины, пути организации судебных процессов и роль в них простых колхозников, показать обобщенный портрет подсудимых, раскрыть характер обвине-

¹ Кузнецов И.Н. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 1930-х гг.). Томск, 1993; Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: конец 1920-х – 1930-е гг. М., 1995; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 1920-х – начале 1950-х гг.). Томск, 1995; Павлова И.В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 98-103; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 гг. Новосибирск, 1997; Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003 и др.

² Конквест Р. Большой террор. В 2-х т. Рига, 1991; Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993; Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров: Пер. с англ. М., 1993; Sheila Fitzpatrick How the Mice Buried the Cat. Scenes from the Great Purges of the 1937 in the Russian Provinces // Russian Review. 1993. № 3. Pp. 299-320; Маннинг Р. Массовые операции против «кулаков и преступных элементов»: апогей Великой Чистки на Смоленщине // Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск, 1999. С. 230-254 и др.

ний.

Среди современных работ западных историков особо следует отметить фундаментальное исследование П. Соломона «Советская юстиция при Сталине»¹. В нем сделана попытка проанализировать как теоретические основания, на которых строилась юридическая система советского государства, так и формы и способы реализации уголовной политики, в том числе в области контрреволюционных преступлений, на протяжении 1920-1950-х гг. Автор делает ряд важных выводов, касающихся особой роли права в советской властной системе, характера взаимоотношений между партийными и судебно-следственными органами, особенностей использования судов в осуществлении репрессий.

Таким образом, проведенные отечественными и зарубежными историками исследования дают представление о наиболее известных процессах, влиянии власти на деятельность судов, общем функционировании судебной системы в области политических преследований. В то же время проблема становления и развития политического судопроизводства в 1920-е гг., особенности организации политических судебных процессов на региональном уровне, в частности в Западной Сибири, их роль и место в общей политике репрессий остаются пока слабо изученными.

Цель диссертации заключается в построении исторической модели политических судебных процессов, проходивших в Западной Сибири в 1920-1930-е годы, в воссоздании механизма их организации, выявлении масштабов, роли и места в общей политике репрессий.

Исходя из поставленной цели, определены **следующие задачи**:

- раскрыть становление и развитие практики политических судебных процессов, как существенного феномена карательной политики Советского государства в 1920-1930-е гг.;
- проанализировать законодательно-нормативную базу, определявшую основные этапы судопроизводства в отношении контрреволюционных преступлений;
- рассмотреть структуру, функции и взаимоотношения региональных правоохранительных органов, участвовавших в реализации судебных репрессий;
- выявить и проанализировать влияние на организацию политических судебных процессов партийных комитетов разных уровней;
- показать в динамике основные причины, пути организации и характерные черты судебных процессов по политическим обвинениям;
- проследить взаимосвязь политических судебных репрессий с другими формами реализации репрессивной политики и определить их специфику;
- выявить особенности политических судебных процессов, проходивших в Западной Сибири.

Объектом исследования является исторически обусловленный процесс становления и развития западносибирских региональных судебных структур как составной части правоохранительной системы советского государства и как инструмента его репрессивной политики. При этом под репрессивной политикой

¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. Пер. с англ. М., 1998.

понимается взаимосвязанный комплекс пропагандистских, законодательных и практических мер насильственного характера, предпринимаемых властями и направленных на преследование различных общественных групп и отдельных граждан с целью решения определенных политических, экономических и идеологических задач.

Предметом исследования стала практическая деятельность западносибирских судебно-следственных органов в области политических преследований.

Территориальные границы диссертации охватывают Западно-Сибирский регион, внутреннее административно-территориальное деление которого менялось несколько раз на протяжении рассматриваемого периода, и включают в себя современные Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую области и Алтайский край¹.

Хронологические рамки охватывают период с начала 1920-х до конца 1930-х гг. Нижняя граница исследования обусловлена повторным установлением на территории Западной Сибири советской власти после разгрома колчаковщины и формированием регулярных судебных органов и соответствующего законодательства в ходе правоохранительной реформы 1922-1923 гг. Верхняя граница определяется окончательным оформлением судопроизводства по политическим делам, когда после завершения «большого террора» в конце 1938-1939 гг. произошел переход к такому порядку их судебного рассмотрения, который без особых изменений просуществовал вплоть до второй половины 1950-х гг.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные принципы объективности, историзма и системного подхода. Следуя базовому принципу историзма, политические судебные репрессии рассматриваются в контексте конкретно-исторических событий в России и регионе в изучаемый период с учетом их взаимосвязи и взаимообусловленности. В рамках системного подхода политическое судопроизводство исследуется в качестве подсистемы более обширной репрессивной системы советского государства, которая включала в себя множество других взаимосвязанных подсистем, выступавших в роли ее элементов. В работе использовались также сравнительно-исторический, диахронный методы исследования, структурно-функциональный анализ.

Источниковая база исследования включает опубликованные и неопубликованные источники. Последние представлены документальными материалами, извлеченными из 35 фондов центральных и местных архивов. Из числа опубликованных источников использовались прежде всего официальные издания законодательно-нормативных актов, периодическая печать 1920-1930-х гг., а также сборники документов, выходявшие в разное время.

При работе с документами рассматриваемого периода учитывалась их крайняя идеологическая тенденциозность, выразившаяся не только в соответствующей оценке тех или иных событий, но и в существовании своеобразного идеологического тезауруса, который нуждается в дополнительной «расшиф-

¹ В работе не использовались материалы по Тюменской области, которая географически также входит в Западную Сибирь. Автор сочла возможным ограничиться материалами указанных регионов, поскольку они вполне позволяют раскрыть тему диссертации.

ровке». Определенную трудность представляла и характерная для источников по избранной теме фрагментарность и отчасти сохраняющаяся до сих пор секретность, недоступность многих документов, что предопределило разную степень обеспеченности документальными материалами отдельных сюжетов и периодов.

Среди использованных в работе источников можно выделить несколько групп:

Законодательно-нормативные акты, к которым относятся прежде всего советские Конституции, уголовные и уголовно-процессуальные кодексы, различные законы и положения, в которых были зафиксированы основные принципы и нормы советского судопроизводства, состав и структура правоохранительных органов.

Делопроизводственные материалы правоохранительных органов, включающие в себя широкий комплекс документов центральных и региональных органов суда, прокуратуры, государственной безопасности. В первую очередь это распорядительная документация, информационно-справочные документы, отчеты, переписка и т.п.

Судебно-следственные материалы, большая часть которых сосредоточена в архивно-следственных делах и наблюдательных производствах, но присутствует и среди текущей делопроизводственной документации правоохранительных органов. Они представляют собой документы, непосредственно связанные с уголовным производством.

Делопроизводственные материалы органов власти и управления, прежде всего документация Сибирского, Западно-Сибирского крайкомов РКП (б)/ВКП (б) и крайисполкомов, Новосибирского обкома, а также ряда губернских и городских партийных комитетов – протоколы заседаний партийных и советских органов разных уровней, их решения и постановления, переписка с правоохранительными структурами.

Выступления и произведения руководителей партии и государства, правоохранительных органов – В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.В. Крыленко, А.Я. Вышинского.

Периодическая печать представлена специальными юридическими журналами, центральными и местными газетами, выходившими в основных административных центрах Западной Сибири.

Материалы «книг памяти», содержащие списки людей, в советское время безосновательно подвергшихся политическим репрессиям, а затем реабилитированных.

Материалы CD-диска «Сталинские расстрельные списки», который содержит электронные версии 383-х списков лиц (44,5 тыс. имен), осужденных в 1936-1938 гг. по личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) к разным мерам наказания – в основном к расстрелу¹.

Использование в диссертации разнообразных исторических источников, а

¹ Сталинские расстрельные списки [Электронный ресурс]. М: Изд-во «Звенья», 2002. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

также имеющейся литературы по теме, позволило, несмотря на отмеченные трудности, решить поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые проанализированы политические судебные процессы, проводившиеся в Западной Сибири в течение длительного периода (1920-1930-х гг.), определены их роль и место в общей политике репрессий. Предпринятое исследование деятельности западносибирских судебно-следственных органов в области политических преследований существенно дополняет представления о механизме судебных репрессий, осуществлявшихся советским государством. Многие документальные источники, использованные в диссертации, впервые введены в научный оборот.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов при подготовке учебных курсов по отечественной истории, истории Сибири, а также спецкурсов по истории репрессивной политики советского государства в 1920-1930-е гг.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены в докладах и сообщениях на четырех научных конференциях (Международная конференция стипендиатов Фонда Генриха Бёлля (Санкт-Петербург, 1998 г.), Всероссийская конференция, посвященная 120-летию Томского государственного университета (Томск, 1998 г.), V региональная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 2000 г.), VI городская конференция «Тоталитаризм и тоталитарное сознание» (Томск, 2002 г.). Диссертация обсуждалась на кафедре истории и документоведения Томского государственного университета в октябре 2003 г.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы, выявлена степень ее изученности, определены цель и задачи, методологические основы исследования, обозначены хронологические и территориальные рамки работы, дана характеристика источниковой базы.

В первой главе – «Становление практики политических судебных процессов и ее развитие в 1920-е годы» – исследуются различные аспекты формирования системы советского судопроизводства в области контрреволюционных преступлений, в том числе ее законодательно-нормативное обеспечение и особенности функционирования, показывается реализация карательной политики в отношении политических преступлений в Западной Сибири.

В первом разделе – «Законодательство о контрреволюционных преступлениях и система правоохранительных органов» – анализируется советское уголовно-процессуальное законодательство 1920-х гг., показывается становление системы судебно-следственных и других органов, участвовавших в уголовном производстве по политическим делам, влияние на их деятельность партийных органов.

Законодательство о контрреволюционных преступлениях начало формироваться практически сразу после Октябрьской революции. Уже в декрете № 1 «О

суде» от 24 ноября 1917 г. данные преступления упоминаются в общей форме как действия контрреволюционных сил, с которыми должны были бороться учреждаемые революционные трибуналы. В принятии подобных законодательных актов выражалось стремление новой власти не только обезопасить себя, но и легитимировать собственное насилие в отношении противников революции. Именно в период революции и Гражданской войны сложилась система правовых норм о контрреволюционных преступлениях, которая в переработанном виде легла в основу последующего советского законодательства.

Первые советские Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы были утверждены весной-летом 1922 г. В 1923 г. была принята новая редакция УПК, а в 1926 г. – новый УК. Кодификация законодательства делала уголовное преследование за политические преступления более или менее четким и единообразным. В то же время закрепление в законодательстве возможности расширительного толкования контрреволюционных преступлений и применения упрощенного порядка судопроизводства, признание непрямого умысла, принципов аналогии, свободы действия суда и классового подхода демонстрировали сохраняющееся стремление властей использовать уголовное право в качестве орудия борьбы со своими политическими противниками.

Наряду с кодификацией законодательства в 1920-е гг. шло формирование системы правоохранительных органов, которые должны были осуществлять разные этапы уголовного преследования, прежде всего, предварительное следствие и судебное рассмотрение дел.

До своего упразднения в феврале 1922 г. следствие по политическим делам осуществляли органы ВЧК. С принятием УПК проведение предварительного следствия по контрреволюционным преступлениям переходило в ведение следователей, состоявших при судебных органах. Следствие должно было проводиться под руководством прокуратуры, создание которой началось после утверждения 28 мая 1922 г. Положения о прокурорском надзоре. Однако на практике проведением следствия по политическим делам и после принятия УПК занимались работники органов ГПУ/ОГПУ, которые пришли на смену органам ВЧК. Эта их деятельность регламентировалась не уголовно-процессуальным законодательством, а особыми инструкциями, которые существенно ограничивали возможности прокурорского надзора.

В качестве судебных органов, рассматривавших дела о контрреволюционных преступлениях, до конца 1922 года продолжали действовать революционные трибуналы. На территории Западной Сибири это были Омский, Ново-Николаевский, Алтайский и Томский губернские ревтрибуналы. В 1923 г. в результате судебной реформы они были упразднены. Контрреволюционные преступления стали относиться к подсудности губернских судов, которые создавались в губернских центрах. При этом в губернских судах во многом сохранялся порядок рассмотрения дел, принятый в ревтрибуналах. Дальнейшие реорганизации местных судебных органов были в основном связаны с изменениями административно-территориального деления (с 1925 г. на территории Западной Сибири действовали Сибирский краевой суд и его Постоянные судебнокассационные сессии, с 1927 г. – окружные суды) и практически не отражались

на порядке рассмотрения дел в судебном заседании.

В уголовно-процессуальном законодательстве была закреплена возможность участия в судебном процессе обвинения и защиты. На стороне обвинения выступали прокуроры. Защита подсудимого осуществлялась членами Коллегий защитников, которые организовывались при судебных учреждениях в соответствии с Положением, утвержденным НКЮ 5 июля 1922 года. Однако в советском судопроизводстве, особенно в отношении политических преступлений, защитники в большинстве своем не играли существенной роли.

Деятельность органов суда, прокуратуры и государственной безопасности определялась не только законодательством и ведомственными инструкциями. Становление системы управления страной, начавшееся после захвата власти партией большевиков, шло по пути жесткой централизации, подчинения партийному аппарату всех сфер государственной жизни. Суды, прокуратура, органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ также находились под контролем партии. Партаппарат осуществлял общеполитическое и текущее руководство этими органами, с его ведома происходили подбор и назначение кадров. Правоохранительные органы должны были руководствоваться в своей деятельности партийными директивами и неуклонно претворять в жизнь политику партии.

Во втором разделе – «Судебные процессы по контрреволюционным делам в Западной Сибири: механизм действия и основные виды» – рассматривается порядок предварительного и судебного слушания политических дел, выявляется степень участия центральных и местных партийных органов в организации политических судебных процессов, дается их анализ с точки зрения характера обвинений.

Уголовное производство по политическим делам в 1920-е гг. формально строилось на общих принципах, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако на практике механизм организации их досудебного и судебного следствия имел свою специфику, которая порождалась особым характером контрреволюционных преступлений, участием органов государственной безопасности, зависимостью от политических установок правящей партии.

Одной из особенностей политических дел была двойная подследственность, когда дела, расследованные органами ГПУ/ОГПУ, повторно принимались к производству старшими и народными следователями. Подобный порядок прежде всего был призван обеспечить легитимность секретного этапа предварительного следствия. Другой возможной его причиной являлось крайне низкое качество расследования, проводимого работниками органов государственной безопасности.

В организации судебных процессов по делам о контрреволюционных преступлениях, имевшим «общественно-политическое значение», принимали непосредственное участие не только местные, но и центральные партийные органы. С 1924 г. при Политбюро ЦК ВКП (б) начала работать специальная Комиссия, которая давала указания о порядке слушания политических дел в суде. Централизованный контроль над организацией политических судебных процессов диктовался необходимостью обеспечить в такой важной для режима сфере, как борьба с контрреволюцией, повсеместное соблюдение нужной карательной

линии и правильную оценку политической значимости отдельных дел.

При судебном рассмотрении контрреволюционных дел существовала законодательно утвержденная возможность проведения полного и упрощенного судебного разбирательства. Причем последнее всячески поощрялось. Стремление к упрощению судопроизводства основывалось не только на теоретических установках большевиков, отвергавших замысловатые юридические процедуры как буржуазный пережиток, но и на практической неспособности большинства судебных работников следовать сложным процессуальным нормам в связи с низким уровнем образования.

С другой стороны, практиковалась и организация так называемых показательных процессов, основной целью которых было достижение определенного воспитательно-политического эффекта. Показательные судебные слушания готовились более тщательно, под непосредственным руководством партийных органов, и проводились при обязательном участии свидетелей и сторон, с привлечением многочисленной публики, нередко на местах событий. Ход показательных процессов, как правило, подробно освещался в газетах. Подобные публикации носили преимущественно пропагандистский характер и были призваны дискредитировать противников советской власти, показать несостоятельность и опасность прошлых, настоящих и будущих попыток выступить против режима или его отдельных представителей.

По характеру обвинений политические процессы, проходившие в 1920-е гг. в Западной Сибири, можно условно разделить на две группы. Первую составляют процессы, на которых подсудимые относились к так называемой «исторической контрреволюции», т. е. обвинялись в совершении контрреволюционных преступлений в период царизма и Гражданской войны, включая антикоммунистическое повстанческое движение 1920-1921 годов.

Во второй группе процессов обвинения касались контрреволюционных преступлений, совершенных уже в мирное время и не связанных с широким вооруженным противостоянием. Основными здесь были обвинения в контрреволюционной агитации, создании и участии в контрреволюционных организациях, совершении террористических актов, а также экономическая контрреволюция.

До конца 1920-х гг. проведение судов по политическим делам, в большинстве своем, еще не носило характера планомерных кампаний, приуроченных к определенному моменту. Исключением служат массовые операции против эсеров и меньшевиков и особенно кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. Процессы по делам о «контрреволюционном сопротивлении изъятию церковных ценностей» представляли собой один из первых опытов использования суда в качестве вспомогательного средства для проведения той или иной кампании, что впоследствии станет широко распространенным явлением.

В третьем разделе – «Политические судебные процессы в ходе хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х годов» – рассматривается практика использования судебных органов в условиях чрезвычайных хлебозаготовок, показываются изменения в устоявшемся механизме организации судебных процессов по политическим делам, выявляются основные черты «кампанейского пра-

восудия».

В кризисной для себя ситуации снижения поставок зерна государству в ходе хлебозаготовительной кампании 1927/1928 гг. партийное руководство страны во главе со Сталиным пошло на применение широких репрессивных мер в отношении «злостных держателей хлеба».

В конце января 1928 г. Сибирская краевая прокуратура получила разрешение на период хлебозаготовительной кампании самостоятельно направлять в суд мелкие дела о контрреволюционных преступлениях. Старый централизованный порядок сохранялся только в отношении дел, имевших «большое политическое значение».

В ситуации временной приостановки контроля центра его функции перешли к краевым правоохранительным и партийным органам. После окончания следствия дела, по которым намечалась организация судебного процесса, через краевую прокуратуру попадали на рассмотрение созданной в январе 1928 г. специальной «пятерки» Сибирского краевого комитета ВКП (б) по назначению к слушанию дел, связанных с хлебозаготовками. Она решала вопросы об организации процесса, о переквалификации преступления, прекращении дела, передаче его на доследование или по линии ОГПУ. Постановления «пятерки» о предании обвиняемых суду затем оформлялось как решение Президиума Сибирского краевого суда. Слушание дел происходило, как правило, в соответствующем окружном суде.

В начале июня 1928 г. упрощенный порядок производства контрреволюционных дел был отменен, однако это не привело к полному восстановлению прежнего механизма. В ходе хлебозаготовительной кампании 1929 г. практика уголовного преследования крестьян за «несдачу хлеба» продолжилась.

В октябре 1929 г. Сибирский краевой суд и прокуратура объявили о новом порядке рассмотрения дел, связанных с хлебозаготовками. Для окончательного подавления сопротивления классового врага предлагались неординарные меры. В округах края должен был остаться минимум судебно-прокурорских работников, остальные направлялись на места в составе так называемых «двоек», в которые входили член суда и помощник прокурора. «Двойки» должны были скорейшим образом оформлять дела, связанные с хлебозаготовками, в том числе по контрреволюционным преступлениям, и рассматривать их на месте.

Последняя точка в упразднении централизованного порядка была поставлена циркуляром НКЮ от 6 декабря 1929 г., в соответствии с которым функции контроля за движением всех контрреволюционных дел закреплялись за краевой прокуратурой. В республиканскую прокуратуру следовало сообщать только об особо важных делах.

Основной целью упрощения существовавшего ранее порядка являлось обеспечение ускоренного рассмотрения контрреволюционных дел в судах, что, по мнению властей, повышало эффективность репрессивных мер. Однако, пока репрессии в отношении деревни официально признавались «временными», партийный центр сохранял за собой право регулировать поток судебных политических репрессий на уровне отдельных дел, лишь частично изменяя принятый ранее порядок. Переход в конце 1929 г. к политике сплошной коллективизации,

осуществление которой было невозможно без широчайшего применения насилия, делал соблюдение этого порядка просто невозможным, что, очевидно, и привело к его упразднению.

В 1928-1929 гг. особое распространение получили процессы по делам о терроре и контрреволюционной агитации. Преступными могли быть объявлены любые высказывания, которые противоречили проводимой политике. В качестве террористических актов часто рассматривались обычные уголовные преступления. Многие контрреволюционные дела имели настолько шаткие правовые основания, что прекращались на разных стадиях.

В ходе проведения хлебозаготовительных кампаний 1928-1929 гг. судебное преследование за контрреволюционные преступления было откровенно использовано для решения вполне определенных политических и экономических задач. При организации политических процессов основным становился мотив прямого государственного подавления как результат превращения судебно-карательных органов в составную часть утвердившегося механизма управления, основанного на приоритете насилия.

Во второй главе – «Политические судебные процессы как составная часть репрессивной политики советского государства на территории Западной Сибири в 1930-е гг.» – исследуются формы реализации судебных репрессий в отношении контрреволюционных преступлений в ходе различных репрессивных акций, включая коллективизацию и «большой террор», раскрывается особое значение политических судебных процессов в общей политике репрессий.

В первом разделе – «Изменения в законодательно-нормативной базе и системе судебно-карательных органов» – анализируются изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и преобразования в системе судебно-прокурорских органов и органов государственной безопасности, показывается их влияние на судопроизводство по политическим делам.

В 1930-е гг. преследование за контрреволюционные преступления приобрело массовый характер. При этом сложившийся в 1920-е гг. порядок судебного преследования за контрреволюционные преступления претерпел значительные изменения, которые коснулись и всей системы судебных учреждений, прокуратуры и органов государственной безопасности.

В ходе коллективизации судебные учреждения, прокуратура, милиция и ОГПУ, а также партийные и советские органы практически полностью игнорировали существующие уголовно-процессуальные нормы. Возврат к их соблюдению начался после принятия секретной Инструкции ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г., которая требовала прежде всего упорядочения производства арестов. Учреждение в июне 1933 г. Прокуратуры СССР также выражало стремление властей к укреплению правоохранительной системы.

В июле 1934 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР. В его состав вошло Главное управление государственной безопасности, в ведении которого находились государственные преступления. Тогда же было принято постановление ЦИК СССР, регламентировавшее судебное рассмотрение дел о преступлениях, расследуемых НКВД СССР и его местными органами. В

соответствии с ним государственные преступления (контрреволюционные и против порядка управления) подлежали рассмотрению в Специальных судебных коллегиях, а дела об измене Родине, шпионаже и диверсиях – в Военной коллегии Верховного Суда СССР и военных трибуналах округов. Преступления, совершавшиеся на железнодорожном и водном транспорте, должны были направляться в Транспортную или Водную коллегии ВС СССР и линейные железнодорожные и водные суды.

Учреждение специальных коллегий, как особых судебных органов, предназначенных для рассмотрения политических дел, ограничивало права обвиняемых. Особый характер этого судебного органа предполагал соответствующий подбор кадров судей, прокуроров и защитников, что не могло не отражаться на результатах рассмотрения дел. Закрепленная за спецколлегиями возможность проведения закрытых секретных процессов лишала обвиняемых права на открытое и справедливое судебное разбирательство. Другим проявлением ограничения прав обвиняемых в контрреволюционных преступлениях стала передача ряда дел гражданских лиц на рассмотрение военным трибуналам. С 1934 г. военная юстиция все более активно включалась в общую репрессивную политику в отношении контрреволюционных преступлений.

Принятое в день убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» фактически выводило производство по этим делам за рамки общепринятого уголовно-процессуального законодательства. В дальнейшем в соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. особый порядок производства стал применяться и в отношении дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. Конституция, принятая в декабре 1936 г., гарантировала советским гражданам открытое судебное разбирательство, право на защиту, неприкосновенность личности. Но «враги народа» не могли рассчитывать даже на элементарное соблюдение своих прав.

В период террора 1937-1938 гг. в основном продолжал действовать порядок судопроизводства по контрреволюционным делам, закрепленный в принятых ранее постановлениях. Кроме того, на местах стали активно действовать выездные сессии Военной коллегии ВС СССР, разбирая вполне рядовые дела. Однако основные репрессии проходили вне судебной системы.

В 1930-е гг., таким образом, произошло фактическое отделение производства контрреволюционных дел от общеуголовного. Это проявилось, прежде всего, в сохранении и расширении роли органов государственной безопасности в предварительном расследовании, создании, наряду с внесудебными, специальных судебных органов для рассмотрения контрреволюционных дел и принятия особых законодательных актов, регламентирующих порядок ведения дел по отдельным контрреволюционным преступлениям. Принятые законодательно-нормативные акты стали правовой основой террора, закрепив чрезвычайные и антигуманные по своей сути нормы судопроизводства по политическим делам.

Во втором разделе – «Политические судебные процессы при проведении хозяйственно-политических кампаний» – рассматриваются политические судебные репрессии, проводившиеся в ходе массовой коллективизации и других

хозяйственно-политических кампаний, исследуется их роль в решении текущих задач, в основном в области сельскохозяйственного производства.

Утверждение новой колхозной системы заняло всю первую половину 1930-х гг. При проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства, наряду с массовым выселением и раскулачиванием, власти широко применяли судебные репрессии, поскольку масштабность преобразований требовала использования всех имеющихся в распоряжении государства ресурсов силового давления.

В период коллективизации органы юстиции действовали в экстраординарном порядке. В начале 1930 г. в округах Сибирского края были организованы специальные бригады органов юстиции. Основной их задачей являлось осуществление судебных репрессий. В качестве судебной инстанции они могли самостоятельно проводить слушания по делам о различных налоговых, должностных и контрреволюционных преступлениях. Отбор дел для судебного рассмотрения на местах осуществлялся исходя из их политического и общественного значения. Судебные заседания проходили как в обычном, так и в показательном порядке.

Судебно-следственные бригады были призваны ускорить судебное рассмотрение уголовных дел, связанных прежде всего с коллективизацией, а также оказывать пропагандистское давление на крестьян, проводя судебные процессы непосредственно в деревнях и селах. Этим же задачам отвечала передача дел по контрреволюционным преступлениям, в основном по агитации, на рассмотрение народным судам, что также широко практиковалось в ходе коллективизации.

В целом по Сибирскому краю, в связи с кампанией коллективизации, в феврале-марте 1930 г. по делам о контрреволюционных преступлениях прошло 2157 чел. Следствие и судебное рассмотрение таких дел проводились в сжатые сроки, с многочисленными нарушениями уголовно-процессуального законодательства. Судебные процессы в этот период фактически не так уж далеко отстояли от внесудебных репрессий.

Весной-летом 1931 г. на деревню обрушилась новая волна выселения и раскулачивания. Однако интенсивность судебных преследований за контрреволюционные преступления резко снизилась. В 1931 г. в Западно-Сибирском крае судами было привлечено к ответственности по политическим делам 144 чел., в 1932 г. – 322 чел. Сокращение судебных репрессий по политическим делам было связано с рядом причин. Одной из них являлась недостаточная эффективность судов по контрреволюционным делам в условиях широкомасштабных репрессивных акций. Проведение судебных процессов в чрезвычайно упрощенном порядке, без соблюдения основополагающих юридических процедур, по стандартным обвинениям позволяло быстро осуждать большое количество людей, однако негативно отражалось на их пропагандистских возможностях.

В 1933-1934 гг. судебные репрессии по политическим обвинениям вновь усилились, что во многом было связано с деятельностью новых чрезвычайных органов управления на селе – политотделов МТС и совхозов, которые были образованы в 1933 г. по решению январского пленума ЦК ВКП (б).

В репрессивной практике первой половины 1930-х гг. тесно переплетались

репрессии, связанные с насаждением колхозной системы и обеспечением сельскохозяйственного производства. Западно-Сибирская краевая и районные прокуратуры «принимали меры» в случаях несвоевременного начала или завершения хлебозаготовительных, посевных, уборочных и иных кампаний, невыполнения планов различных государственных поставок и т. д. В результате получило распространение такое явление, как сезонные возбуждения политических дел.

Судебные процессы, проводившиеся во время коллективизации и других хозяйственно-политических кампаний, имели свои особенности. Их отличала четкая целевая направленность на решение конкретных хозяйственных и политических задач, упрощенный и ускоренный порядок следствия и суда, стремление проводить судебные слушания в местности, где жили подсудимые, соответствующее пропагандистское сопровождение. Происходившее во время кампаний усиление активности органов юстиции сопровождалось, как правило, официально или неофициально поддерживаемым нарушением законодательства. Практиковалось расширительное толкование статей, несоблюдение процессуальных норм или временное приостановление их действия. Фактически власти использовали судебные процессы как мобилизационное средство, призванное обеспечить реализацию государственной политики.

В третьем разделе – «Организация судебных процессов по политическим делам накануне и в период «большого террора» – исследуется деятельность судебно-прокурорских органов в условиях нарастания репрессий, рассматриваются особенности организации судебных процессов во второй половине 1930-х гг.

Усиление репрессий, достигших своего пика в 1937-1938 гг., началось после убийства 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова. Идеологическое обоснование ужесточения преследований в отношении бывших оппозиционеров и других потенциальных противников режима было дано в закрытых письмах ЦК ВКП (б), разосланных в местные партийные организации в январе 1935 г. и июле 1936 г.

Согласно отчетам Западносибирского краевого суда, за контрреволюционные преступления были привлечены к ответственности в 1935 г. 924 чел., в 1936 г. – 1204 чел. Большая их часть была осуждена Спецколлегией краевого суда. Несмотря на то, что практика рассмотрения контрреволюционных дел вне Спецколлегии осуждалась, на территории Западно-Сибирского края они рассматривались также краевым судом и Нарымским окружным судом. Кроме того, дела о контрреволюционных преступлениях слушали и народные суды.

Наряду с традиционными обвинениями в контрреволюционной агитации, сразу же после убийства С.М. Кирова наблюдался всплеск судебных процессов по обвинению в «антисоветской агитации, направленной на пропаганду террора против вождей партии и правительства». Возросло и количество судебных процессов над участниками различных так называемых контрреволюционных кулацких, фашистских, повстанческих, а также троцкистских организаций и группировок.

В 1936 г. в Западно-Сибирском крае состоялся ряд громких политических процессов, организация которых осуществлялась на самом высоком властном

уровне. Эти процессы проходили на фоне разворачивавшейся кампании по усилению бдительности и борьбы с вредительством и были связаны в основном с промышленной сферой. Среди них следует выделить процесс по делу так называемой троцкистско-диверсионной группы в Западной Сибири, который состоялся в г. Новосибирске 19-22 ноября 1936 г. и был сопоставим по масштабу и схеме проведения с известными «московскими процессами».

Массовые репрессии в 1937-1938 гг. осуществлялись в большинстве своем во внесудебном порядке. Спецколлегия Западносибирского краевого суда в 1937 г. осудила за контрреволюционные преступления лишь 654 чел., во втором полугодии 1938 г. – 508 чел. Отчасти повторилась ситуация периода коллективизации, когда на фоне огромного количества репрессированных внесудебными органами число осужденных судами по политическим обвинениям оказалось несоизмеримо меньшим. В то же время количество показательных процессов резко возросло.

Показательные судебные процессы по политическим делам в 1937-1938 гг. организовывались как в русле всеобщего усиления репрессий, так и в связи со специальными требованиями их проведения, поступавшими из центра. Так, в сентябре-декабре 1937 г. по Западно-Сибирскому краю, как и по всей стране, прокатилась волна показательных судов над руководителями районных партийных и советских органов, различных государственных и хозяйственных учреждений, колхозов и совхозов. Их организация была связана с прямыми указаниями секретариата ЦК ВКП(б) в лице Сталина и Молотова.

В 1937-1938 гг. в открытом показательном порядке в больших количествах слушались и дела вредителей-диверсантов, якобы орудовавших в промышленности, а также различных террористов и террористических групп.

В отличие от показательных процессов, основная масса дел, проходивших через специальные коллегии в обычном порядке, как и прежде, включала дела по обвинению в контрреволюционной агитации.

Для периода «большого террора» характерна и значительная активизация деятельности Военной коллегии Верховного суда СССР, выездные сессии которой побывали во многих регионах страны. Через суд Военной коллегии ВС СССР проходили в основном руководящие и инженерно-технические работники промышленных предприятий, руководители и работники партийных и советских органов, различных хозяйственных, образовательных, культурных учреждений и т.п.

В целом судебные репрессии по политическим делам, проходившие накануне и в период «большого террора» во второй половине 1930-х годов, отличались от предшествующих лет крайней политизацией обвинений, включая обвинения в организованной форме контрреволюции. Большое распространение получили политические судебные процессы показательного характера, причем и в центре, и на местах. При этом, несмотря на высокую степень политизации обвинений, региональные процессы представляются более утилитарными, поскольку они были направлены на решение местных, в большинстве своем хозяйственных и социальных проблем.

Помимо собственно осуждения «врагов народа», политические судебные ре-

прессии в рассматриваемый период выполняли ряд других специфических функций. Прежде всего, их организация диктовалась необходимостью пропагандистской поддержки развернувшихся в стране массовых репрессий. Предъявляя обществу «обнаруженных» врагов, судебные процессы позволяли перекладывать на них ответственность за существующие в стране трудности. Наконец, судебные политические процессы призваны были прикрывать массовый внесудебный террор и отчасти способствовать его легитимации.

В заключении диссертации подведены основные итоги исследования.

На протяжении 1920-1930-х гг. реализация судебной формы политических репрессий варьировалась между особыми и обычными судами, которые в разное время рассматривали дела о контрреволюционных преступлениях; показательным и упрощенным порядком судебных слушаний по политическим делам; ограниченным и массовым привлечением к ответственности.

В Советском государстве в рассматриваемый период суд и прокуратура существовали не как независимые правоохранительные институты, а как часть репрессивного механизма, являвшегося одной из главных составляющих утвердившейся политической системы. При необходимости власть всегда могла использовать возможности и аппарат этих органов для силового решения поставленных задач. Частично выполняя функции, присущие им как правоохранительным институтам, они фактически являлись проводниками репрессивной политики государства.

Судебная система, таким образом, была превращена в инструмент государственного насилия, наряду с органами государственной безопасности, осуществлявшими внесудебные репрессии. Однако по сравнению с последними, масштаб деятельности судов по рассмотрению дел о контрреволюции был неизмеримо меньшим. В общей политике репрессий политические судебные процессы представляли собой ее видимую, формально законную часть. Именно их «законность» и отчасти публичность, строго дозированная и хорошо отрежиссированная, в значительной степени определяли то место, которое они занимали в репрессивной политике государства.

На региональном уровне организация судебных процессов по политическим обвинениям диктовалась всеобъемлющим характером репрессивной политики и зависела от ее конкретной направленности в разное время. Политические судебные процессы, проходившие в Западной Сибири, в большинстве случаев были менее масштабными и более утилитарными по своему характеру, нежели громкие московские процессы. Их организация была связана с вполне конкретными практическими задачами. Через эти процессы осуществлялось давление на управленцев и на непосредственных производителей с целью добиться бесперебойной работы созданного хозяйственного механизма. Они же служили своеобразной пропагандистской ширмой, скрывавшей реальные причины возникающих в стране трудностей. Кроме того, региональные процессы, опиравшиеся на местный материал, проходившие практически на «местах преступлений», играли существенную роль в создании атмосферы страха и подозрительности. Наконец, при помощи судебных процессов и создаваемой ими иллюзии законности происходящего достигался эффект законности репрессий вообще.

Политические судебные процессы занимали, таким образом, определенное место в репрессивной системе советского государства, фактически превратившись в «законное» орудие политических репрессий. Активное использование судебных органов в качестве репрессивного инструмента, возможно, стало одним из факторов деформированного восприятия общественным сознанием института суда, как исключительно карательного механизма, отголоски которого сохраняются и в современном обществе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Рожнева Ж.А. Западносибирские политические судебные процессы 1920-1930-х гг. // Конференция стипендиатов Фонда Генриха Белля: Программа, тезисы докладов, список участников. – СПб., 1998. – С. 48-49;

2. Рожнева Ж.А. Политические репрессии в Александровском районе // Земля Александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 340-353;

3. Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1930-е годы: опыт создания базы данных по материалам периодической печати // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Том 3 / Отв. ред. Э.И. Черняк. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 38-43;

4. Рожнева Ж.А. Досудебное расследование политических дел после реформы правоохранительной системы 1922-1923 гг. // По страницам истории и судьбы: к 70-летию профессора Ю.В. Куперта: сборник научных статей и материалов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 177-181;

5. Рожнева Ж.А. Место политических судебных процессов в репрессивной политике Советского государства в 1930-е гг. (по материалам Западной Сибири) // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. – Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2001. – С. 85-91;

6. Рожнева Ж.А. Организация и деятельность Комиссии Политбюро ЦК РКП/ВКП (б) по политическим делам (1924-1929 гг.) // III Сибирская школа молодого ученого: Материалы V региональной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (22-23 декабря 2000 г.): В 5 т. Т.4: Экономика, технология и предпринимательство, правоведение, история. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2001. – С.194-199;

7. Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы при проведении хозяйственно-политических кампаний советской власти (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Труды Томского областного краеведческого музея: Сб. ст. / Отв. ред. Л.И. Боженко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – Т. XII. – С. 161-165.